

УДК 340.131.5

*И.В. Рузанов**

**КОНСТИТУЦИОННАЯ ИДЕЯ ОБЩЕГО БЛАГА
КАК ОСНОВАНИЕ ИЗЪЯТИЯ ЗЕМЕЛЬНЫХ УЧАСТКОВ
ДЛЯ ГОСУДАРСТВЕННЫХ НУЖД**

Статья посвящена исследованию конституционно-правовой категории общего блага и ее применению в отраслевом законодательстве. Освещено историческое происхождение указанного термина и его современное понимание. Предложен подход к определению общего блага через выявление публичного интереса. Также уделено внимание процессуальным аспектам – правилам выработки и формулирования общего блага. На основе анализа института изъятия земельных участков для государственных нужд показано практическое применение рассматриваемой доктрины. Сформулированы требования к порядку использования изъятого частного имущества.

Ключевые слова: общее благо, публичные слушания, ограничение права собственности, публичный интерес, частный интерес, публичная сфера.

Усложнение социальной жизни обуславливает пропорциональное изменение правового регулирования общественных отношений. Очевидно, именно этим вызвано появление сложных юридических категорий, претендующих на уровень философских [1, с. 59]. Одной из них является «общее благо».

Возможно, впервые рассматриваемая категория была возведена в ранг конституционной ценности нормой статьи 14 Конституции ФРГ: «Собственность обязывает, ее использование должно служить общему благу» [2, с. 132].

В российском правовом массиве отсутствует упоминание общего блага. Вместе с тем о нем часто пишут отечественные ученые. В настоящее время они пришли к более-менее консолидированному мнению, что конституционно-правовой дух всех общественных отношений формирует требование обеспечения общего блага. Например, Д.И. Дедов считает, что публичное право должно соответствовать высшей цели, которой является общее благо [3, с. 3]. Профессор Г.А. Гаджиев отмечает, что идея об общем благе как цели государства является достижением современной культуры [4, с. 16]. В.Д. Зорькин, анализируя сущность и функции государства, пишет: «Многочисленные и разнообразные эмпирические цели в конечном счете восходят к общей цели (идее), которая объединяет людей в политическое сообщество и на которой держится все государство. Эта цель в своем содержательном аспекте выражается в общем благе (общее добро)» [5, с. 8]. Требованием обеспечения общего блага обосновывают введение тех или иных налогов, национализацию имущества и другие чувствительные для экономики процессы. Творчески подходит к рассматриваемой категории Конституционный Суд Российской Федерации, распространивший ее на деятельность частных акционерных обществ [6].

* © Рузанов И.В., 2015

Рузанов Илья Владиславович (iguzanov@yandex.ru), кафедра государственного и административного права, Самарский государственный университет, 443011, Российская Федерация, г. Самара, ул. Акад. Павлова, 1.

Таким образом, «общее благо» – это одна из системообразующих категорий современного права, имеющих философско-правовую природу.

Как известно, философские категории являются сложными, не всегда однозначными в понимании. Пожалуй, это обстоятельство предопределяет известные трудности в применении рассматриваемого концептуального понятия в практической плоскости.

В настоящей статье автор надеется показать, что анализируемый философско-правовой феномен может использоваться при принятии рутинных, ежедневных решений. Наиболее ярко это может быть показано на примере такого чувствительного, эмоционально насыщенного правового института, как изъятие частного имущества для государственных нужд. Однако для более глубокого понимания проблемы начнем с истории появления доктрины.

Можно предположить, что генетически «общее благо» связано с христианскими учениями. Проповедник XV века Бернардин Сиенский был, возможно, одним из первых, кто использовал эту категорию, указывая, что все ремесла и торговля должны служить общему благу [7, с. 115]. Уже в его работах можно увидеть попытку использовать рассматриваемую нами категорию как ориентир регулирования экономики. Так, проповедник резко осуждает любые виды деятельности, приносящие вред людям и обществу в целом. С этих позиций он критикует монополизм, ростовщичество и некоторые другие экономические практики, с которыми многие правительства мира борются и по сей день, используя примерно те же обоснования [7, С. 115].

Системное учение о государстве общего блага возникло в Англии в начале XVI века благодаря работам Т. Мора, Т. Старки, Р. Кроули, Дж. Хейлза, обосновывавших необходимость ограничивать расточительство и праздность, алчность и соперничество, уничтожить бедность с целью создания общества всеобщего благоденствия [8, с. 22]. Возможно, не без влияния этих доктрин, в Англии в начале XVII века был принят целый ряд актов, направленных на перераспределение доходов в пользу бедных, в частности Закон о бедных 1601 года, введивший налог в помощь нуждающимся [8, с. 22].

В этом контексте гармонично англо-саксонским правовым традициям смотрится включение в текст Конституции США фразы о том, что государство создается в целях содействия всеобщему благу (*to promote general welfare*).

В отечественной правовой традиции появление концепции общего блага связано с именем Петра I, который объявил его достижение целью верховной власти [9, с. 98]. Под прикрытием этой теории император настаивал на регулировании всех сфер жизни: военного дела, гражданской администрации, сословного строя, народного хозяйства, финансов и т. д. [9, с. 99].

Таким образом, попытки построить государственную политику на основе категории «общее благо» предпринимались различными государствами уже в Средние века. В настоящее время наметились новые тенденции в использовании риторики общего блага. Наиболее ярко их может проиллюстрировать такой философский и социологический термин, как «социальная приватизация», означающий «процесс усиления значения частного начала на разных уровнях общественной организации» [10, с. 74]. Примером этого процесса выступает «приватизация государства и права, выражающаяся в присвоении общественных благ частью правящего класса и в использовании служебного положения в личных своекорыстных интересах, идущих вразрез с принципами социальной ответственности и справедливости» [10, с. 74]. Видимо, именно по этой причине «под флагом государственного интереса нередко фигурируют частные интересы истеблишмента» [11, с. 139].

Указанные обстоятельства еще больше актуализируют задачу исследования конституционно-правовой категории «общее благо». С одной стороны, в эпоху «социаль-

ной приватизации» важно найти какие-то критически важные точки, позволяющие обществу продолжать свое существование. С другой стороны, нельзя допустить подмену понятий, прикрывая красивыми словами об общем благе прозаичную защиту экономических интересов элит.

Можно согласиться с тем, что «понятие «блага» — это юридически квалифицированный интерес» [12, с. 306]. В таком случае для выявления сущности общего блага методологически целесообразно исследовать вопрос о публичном интересе.

К настоящему времени сложилось три подхода к понятию интереса. Первый — объективный — раскрывает интерес через потребность соответствующего индивида [13, с. 84]. То есть публичный интерес в рамках этого подхода можно отождествить с публичными потребностями.

Субъективный, или психологический, подход считает интересом то, что субъект (коллективный или индивидуальный) рассматривает в качестве такового [13, с. 84].

В свою очередь, объективно-субъективная концепция полагает, что интерес — это переход объективного в субъективное и обратно. Подчеркивается, что в этой категории сосредоточены субъективные потребности, формирующиеся, однако, под воздействием объективных факторов [13, с. 84].

Можно заметить, что в рамках каждого из указанных подходов обсуждается проблема носителя интереса. Предельно огрубляя проблему, ее можно сформулировать так: какой процент населения должен разделять тот или иной интерес, чтобы его можно было квалифицировать в качестве публичного.

Очень точно подметил это профессор Д.И. Дедов. Вырабатывая понимание общего блага, он определяет его как «состояние общества, при котором решения, регулирующие общественные отношения и затрагивающие неограниченный круг членов общества, имеют цель принести и приносят пользу для любого и каждого человека (не для большинства членов общества, от чего отталкиваются идеологи теории общественного выбора) независимо от его индивидуальных предписаний, интересов, его стиля жизни» [3, с. 10–11].

Таким образом, есть два основных подхода к пониманию общего блага: как к качеству политики, обеспечивающей интересы абсолютно всех членов общества и как к политике, направленной на реализацию интересов большинства граждан.

В этом плане продуктивно разграничение общественного интереса и группового. Последние выражают потребности лиц, образующих определенные социальные группы. Общественные же интересы присущи обществу в целом, причем они не сводятся к простой сумме индивидуальных интересов, а представляют собой качественно новое состояние [14, с. 159].

Пожалуй, это ключевое свойство публичного интереса, которое уводит дискуссию о нем из «арифметического» поля (сколько процентов населения должно формировать публичный интерес) в плоскость поиска тех свойств, которые конституируют публичность интереса.

Практическую значимость этого тезиса может проиллюстрировать история знаменитого «моста в никуда» на Аляске. В 2005 году Конгресс США выделил 320 миллионов долларов на строительство моста между островом Грейвин (на котором в то время проживало 50 человек) и городом Кетчикан (население которого составляло 9 тысяч человек). При этом между двумя указанными населенными пунктами с интервалами 15–20 минут ходил паром стоимостью 6 долларов [15, с. 89]. По мнению комментаторов, само принятие такого решения стало возможным за счет того, что политики, представляющие соответствующие территории, надеялись заручиться поддержкой местных избирателей. В то же время такой «подарок» избирателям должен был быть оплачен за счет налогов граждан из других частей страны [15, с. 90].

Приведенный пример показывает, что иногда интересы какой-либо группы (в данном случае интересы жителей острова Грейвин) могут существенно противоречить интересам общества в целом (то есть интересам американского общества). Причем арифметическое решение этого конфликта подчас может приводить к победе именно группового интереса, что обусловлено особенностями избирательной системы (нарезки округов) и спецификой политической сферы в целом. В этой связи очевидно, что необходимо выявлять не просто дефиницию публичного интереса, а его признаки.

Как отмечает Н.Н. Косаренко, публичный интерес – это общественные интересы, без удовлетворения которых невозможно, с одной стороны, реализовать интересы частные, с другой – обеспечить целостность, устойчивость и нормальное развитие организаций, государств, наций, социальных слоев, наконец, общества в целом [14, с. 157].

А.Ю. Ломаев предлагает следующие признаки публичного интереса: соответствие потребностям всего общества или значительной его части; неперсонифицированность носителя интереса; защита публичного интереса осуществляется специальным субъектом; всегда отражается в законе и потому является законным интересом; возможность публичного интереса ограничивать частный, но не наоборот [16, с. 100].

Обобщая все изложенные позиции, можно отметить, что общее благо – это юридически выраженные интересы, которые невозможно удовлетворить в индивидуальном порядке. Пожалуй, это и есть ориентиры общего блага.

Так, понятно, что трассу, соединяющую 2 крупных населенных пункта, невозможно построить силами одного, даже очень состоятельного, человека. И также очевидно, что построенная трасса будет работать на нужды всех лиц: даже если человек не имеет автомобиля и не пользуется трассой, она все равно удовлетворяет в том числе и его интересы (например, путем снижения издержек доставки грузов в его регион).

Таким образом, можно выделить два основных критерия общего блага: направленность на обеспечение интересов всех без исключения членов общества, а также невозможность быть удовлетворенными за счет индивидуальных усилий.

Однако не каждый проект, который не может быть реализован индивидуальными усилиями, вправе претендовать на статус общего блага. Возникает вопрос о том, как разграничить потребности, которые формируют общее благо, и те, которые не формируют такового.

Очевидно, возникает необходимость выработки неких процессуальных аспектов общего блага: должны существовать какие-то процедурные правила его конституирования. Мировой практике известны разные модели таких процедур, каждая из которых так или иначе сводится к идее народовластия (непосредственного или представительного).

Знаменитыми стали референдумы, проводимые в Швейцарии едва ли не каждое воскресенье. Не вдаваясь в старую, идущую еще со времен просветителей дискуссию о приемлемости демократии (и референдумов как высшего проявления демократии) для больших и маленьких стран, отметим, что, на наш взгляд, швейцарский вариант определения общего блага не вполне удачен. Полагаем, что референдум не способен сформулировать те требования к публичной политике, которые приведут к общему благу, не говоря уже о колоссальных экономических издержках, которые несут референдумы. Дело в том, что гражданин, голосующий на референдуме, изначально связан той повесткой дня, которую определили инициаторы референдума. Хорошо известно, что определенная постановка вопроса является мощнейшим средством манипулирования в дискуссии. Очевидно, что аналогичные приемы действуют и в политике. Таким образом, референдум по самой своей природе не может быть признан удачным способом формирования общего блага.

Кроме того, референдум, на наш взгляд, представляет собой тот самый «арифметический» способ решения ключевых политических вопросов. В тех случаях, когда общество расколото по какому-либо признаку на две равные части, этот инструмент решения вопросов не может быть эффективным. Когда определенные политические или экономические акции начинают реализовываться, потому что их поддержал 51 % населения, это означает, что 49 % избирателей остаются неудовлетворенными, соответственно, говорить об общем благе можно лишь с большой натяжкой.

Продуктивным может быть обращение к концепции публичной сферы, разработанной Ю. Хабермасом. По его мнению, общественное мнение формируется на некоей арене, которая и представляет собой публичную сферу [17, с. 169].

Ключевой идеей публичной сферы является идея сотрудничества, выработки совместных решений (общественного мнения). Противоположностью такого сотрудничества считается конфронтация, которая, по оценкам социологов, доминирует в российском обществе [17, с. 169]. На наш взгляд, институт референдума стимулирует и юридически закрепляет именно конфронтационную модель сотрудничества. Вряд ли это способствует достижению общего блага, поскольку последнее онтологически связано именно с сотрудничеством, ведь, как было показано выше, общее благо — это юридически выраженные интересы, которые невозможно удовлетворить в индивидуальном порядке. Следовательно, для их реализации необходима совместная работа граждан, их широкая кооперация, что вряд ли возможно в условиях расколотого общества.

Попробуем применить указанные теоретические положения на примере анализа ограничений права собственности на земельные участки.

Земельное право — это очень интересная отрасль, находящаяся на стыке частного и публичного права. Поскольку законодательство предусматривает такие болезненные для собственника институты, как принудительное изъятие участков для государственных или муниципальных нужд, их обременение сервитутами, оно является очень иллюстративным материалом для понимания того, как проявляется конституционно-правовая доктрина общего блага в текущем законодательстве.

Статья 49 Земельного кодекса Российской Федерации устанавливает перечень оснований изъятия земельных участков для государственных и муниципальных нужд. В указанной норме приводится перечень конкретных случаев, когда осуществляется такое изъятие, а также дана отсылочная норма, в соответствии с которой дополнительные основания изъятия могут устанавливаться федеральными законами. Что касается оснований, прямо поименованных в Кодексе, то они на первый взгляд отвечают признакам общего блага, предложенным в данной статье. В основном речь идет об инженерных сооружениях (объекты энергетики, электроснабжение), инфраструктуре (пути сообщения, космические объекты), а также об объектах, обеспечивающих оборону и безопасность страны (государственная граница и др.).

Указанные объекты не могут быть построены силами одного человека (сложно себе представить, чтобы даже очень богатый человек строил для себя отдельный водопровод), и они объективно направлены на обеспечение нужд всех граждан, поскольку, например, энергетикой пользуются все социальные группы — от малоимущих до мультимиллиардеров.

Таким образом, по формальным признакам подпункт 2 пункта 1 статьи 49 ЗК РФ соответствует идее общего блага. Конечно, в каждом конкретном случае может возникнуть вопрос о том, насколько необходимо строительство, например, электростанции именно на конкретном участке, принадлежащем частному лицу. Для выработки ответа на этот вопрос необходимо использовать упомянутую концепцию публичного пространства.

В настоящий момент решение об изъятии земельного участка для государственных или муниципальных нужд принимается органами власти соответствующего уровня. Теоретически, деятельность этих органов является формой народовластия, однако очевидно, что на практике их решения не всегда могут быть отражением всеобщих интересов. Особенно это актуально в контексте процесса «социальной приватизации».

Полагаем, что правовым институтом, наиболее адекватно решающим задачу обеспечения публичной сферы, являются публичные слушания. Их проведение широко практикуется градостроительным законодательством. Так, согласно Градостроительному кодексу РФ (далее – Грк РФ) проведение публичных слушаний обязательно при утверждении генеральных планов населенных пунктов (статья 28 Грк РФ); при подготовке правил землепользования и застройки (статья 31 Грк РФ); при предоставлении разрешения на условно разрешенный вид использования (статья 39 Грк РФ); при обсуждении вопроса о предоставлении разрешения на отклонение от предельных параметров разрешенного строительства (статья 40 Грк РФ).

В ходе публичных слушаний граждане могут не просто высказываться за или против подготовленного кем-то проекта нормативного акта, но и вносить свои предложения, озвучивать свои озабоченности, касающиеся вопросов градостроительной политики, то есть непосредственно формировать решения в градостроительной сфере на основе подлинно общественных интересов. Говоря языком социологов, публичные слушания представляют собой тот самый форум публичного дискурса.

Полагаем, что опыт проведения публичных слушаний может быть использован и при решении вопросов об обоснованности изъятия земельных участков для государственных нужд. Данная процедура представляет собой серьезное ущемление прав собственника, с одной стороны, а с другой стороны, она накладывает существенные обременения и на государство, поскольку последнее должно выплатить выкупную стоимость земельного участка. В случае если проект, под который изымается участок, не обоснован, неэффективен, налогоплательщики несут ничем не обоснованные издержки, подчас весьма значительные. Именно поэтому обсуждение обоснованности изъятия земельных участков для государственных или муниципальных нужд в публичной сфере позволило бы обеспечить гармонизацию частных и публичных интересов.

Отдельную проблему представляет собой та часть статьи 49 ЗК РФ, которая позволяет осуществлять изъятие участков для целей, не поименованных в указанной статье, на основании отдельных федеральных законов. Пожалуй, наиболее известным и обсуждаемым из них является так называемый «Олимпийский закон» [18]. Этим законом было предусмотрено, что земельные участки могут изыматься для размещения олимпийских объектов.

Применительно к объектам энергетики, дорогам, государственной границе не возникает вопросов о том, действительно ли они направлены на удовлетворение всех без исключения членов общества. В случае с олимпийскими объектами такие вопросы объективно имеются. Если водопроводом или канализацией пользуются все без исключения граждане, то спортивными сооружениями – лишь немногие. Поэтому квалификация олимпийских стадионов в качестве общего блага, небесспорна. Конечно, можно говорить о том, что достойный уровень олимпийской инфраструктуры обеспечивает престиж страны и в этом смысле формирует общее благо. Однако существуют морально-этические проблемы в обосновании необходимости изъятия частной собственности с целью достойного проведения мероприятия длительностью в две недели. Данный вопрос актуален в настоящее время в связи с приближающимся чемпионатом мира по футболу 2018 года, организация которого также потребует значительных изъятий частных земель.

Категорический ответ о недопустимости подобных изъятий был бы излишне однозначен. По-видимому, здесь также должны работать процедуры публичной сферы, в частности публичные слушания, в рамках которых широкая общественность должна формировать позицию по поводу необходимости изъятия земель под конкретный проект.

Кроме того, рассмотрение института изъятия земель для государственных нужд через призму концепции общего блага позволяет выработать требования не только к процедуре собственно изъятия, но и к дальнейшему использованию изъятого имущества. Эта идея очень созвучна фабуле дела, рассмотренного Конституционным Судом Австрии и описанного Г.А. Гаджиевым. Суд постановил вернуть собственнику имущество, изъятое для государственных нужд и не используемое в соответствующих публичных целях [19, с. 34]. Логика этого решения заключается в том, что правоотношения между государством и гражданином по поводу изъятия земельного участка для государственных нужд не заканчиваются собственно изъятием. Обязанности публичных властей, вытекающие из этого правоотношения, сохраняются и в момент, когда имущество уже приобретает статус государственного.

Опираясь на приведенные положения, можно предложить установление дополнительных требований к изъятию имущества в целях строительства спортивных объектов. Таковыми должны выступать последующее использование построенных спортивных объектов в целях общего блага: для занятий детей, молодежи, массовых мероприятий и т. д.

Таким образом, исследование феномена общего блага показывает, что данная категория может быть использована как на абстрактно научном уровне, так и на конкретно практическом. Опираясь на концепт общего блага, можно вырабатывать контуры рутинных экономических решений, принимаемых публичными властями, в частности решений об изъятии частного имущества для государственных нужд. При этом идея общего блага способна не только помочь выработать критерии подобных решений, но и предопределить действия властей в последующем.

Библиографический список

1. Гаджиев Г.А. Этические основы философско-правовой категории «общее благо» в контексте конституционной экономики // Сравнительное конституционное обозрение. 2010. № 2.
2. Конституции зарубежных стран: сборник / сост. В.Н. Дубровин. М.: Юрлитинформ, 2006. 336 с.
3. Дедов Д.И. Общее благо как система критериев правомерного регулирования экономики: монография. М.: Юрист, 2003. 276 с.
4. Гаджиев Г.А. Экономическая политика государства: оказывает ли суд воздействие на ее очертания // Конституционно-правовые основы собственности и предпринимательства: проблемы реализации: сб. докладов. М.: Институт права и публичной политики, 2010.
5. Зорькин В.Д. Ценностный подход в конституционном регулировании прав и свобод // Журнал российского права. 2008. № 12(144).
6. Определение Конституционного Суда РФ от 03.07.2007 г. № 713-О-П. URL: www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72597/ (дата обращения: 09.02.2015).
7. Рыжкова Н.А. Концепция общего блага в социальных воззрениях Бернардина Сиенского (1380–1444) // Интеллигенция и мир. 2004. № 1–2.
8. Саламатова О.В. Теория общего блага в идеологическом контексте английского закона о бедных 1601 года // Вестник Северного (Арктического) федерального университета. Сер.: Гуманитарный и социальные науки. 2012. № 2.
9. Акишин М.О. «Общее благо» и Государев указ в эпоху Петра Великого // Ленинградский юридический журнал. 2010. № 3.

10. Мельников М.В. Социальная приватизация, общее благо и право // Известия Волгоградского государственного технического университета. 2012. Т.8. № 11.
11. Мусаев Н.М. Понятие интереса, его виды и соотношение публичного и частного интереса // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Сер.: Право. 2000. № 1.
12. Чикунова Е.В. Индивидуальный интерес и общее благо: проблема согласования // Вестник Тамбовского университета. Сер.: Гуманитарные науки. 2008. № 8(64).
13. Коновалова Е.В. Публичный интерес и право: проблемы взаимодействия // Вестник Самарского государственного экономического университета. 2014. № 1.
14. Косаренко Н.Н. Категория «интерес» в системе публичного и частного права // Знание. Понимание. Умение. 2007. № 3.
15. Фрэнк Р. Дарвиновская экономика: Свобода, конкуренция и общее благо. М.: Изд. Института Гайдара, 2013. 342 с.
16. Ломаев А.Ю. Публичный интерес как правовая категория // Вестник Самарского юридического института. 2012. № 1(6).
17. Курюкин А.Н. Публичный интерес, публичная политика и системная модернизация общества: Российские проблемы // Власть. 2011. № 2.
18. Федеральный закон от 01.12.2007 г. № 310-ФЗ «Об организации и о проведении XXII Олимпийских зимних игр и XI Паралимпийских зимних игр 2014 года в городе Сочи, развитии города Сочи как горноклиматического курорта и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Российская газета. 2007. 5 дек.
19. Гаджиев Г.А. Конституционные основы современного права собственности // Журнал российского права. 2006. № 12(120).

References

1. Gadzhiev G.A. Ethical foundations of philosophic and legal category of the «general weal» in the context of constitutional economy. *Sravnitel'noe konstitutsionnoe obozrenie* [Comparative constitutional review], 2010, no. 2 [in Russian].
2. Constitutions of foreign countries: Collection. V.N. Dubrovin (Ed.). М., Iurlitinform, 2006, 336 p. [in Russian].
3. Dedov D. I. General weal as a system of criteria of appropriate economy regulation: monograph. М., Iurist, 2003, 276 p. [in Russian].
4. Gadzhiev G.A. Economic policy of state: Does the court influence its shapes. *Konstitutsionno-pravovye osnovy sobstvennosti i predprinimatel'stva: problemy realizatsii: Sbornik dokladov* [Constitutional basement of property and business: problems of realization: Collection of reports]. М., Institut prava i publichnoi politiki, 2010 [in Russian].
5. Zor'kin V.D. Value approach in constitutional regulation of rights and freedom. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 2008, no. 12(144) [in Russian].
6. Decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated July 03, 2007 № 713-О-Р. Retrieved from www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_72597 (accessed 20.06.2015) [in Russian].
7. Rizhkova N.A. The conception of general weal in the social thinking of Bernardino of Siena (1380–1444). *Intelligentsiia i mir* [Intelligentsia and world], 2004, no. 1–2 [in Russian].
8. Salamatova O.V. Theory of general weal in the ideological context of English law of 1601 year about poor people. *Vestnik Severnogo (Arkticheskogo) federal'nogo universiteta. Seriya: Gumanitarnyi i sotsial'nye nauki* [Vestnik of Northern (Arctic) Federal University. Series: Humanitarian and social sciences], 2012, no. 2 [in Russian].
9. Akishin M.O. «General weal» and sovereign's decree in the time of Peter the Great. *Leningradskii iuridicheskii zhurnal* [Leningrad law journal], 2010, no. 3 [in Russian].
10. Mel'nikov M.V. Social privatization, general weal and law. *Izvestiia Volgogradskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta* [Izvestia VSTU], 2012, Vol. 8, no. 11 [in Russian].
11. Mysaev N.M. The notion of interest, its types and correlation between the private and public interests. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Pravo* [Vestnik of Lobachevsky University of Nizhny Novgorod. Series: Law], 2000, no. 1 [in Russian].

12. Chikunova E.V. Individual interest and general weal: the problem of correlation. *Vestnik Tambovskogo Universiteta. Serii: Gumanitarnye nauki* [Vestnik of Tambov University. Series: Humanitarian sciences], 2008, no. 8(64) [in Russian].
13. Konovalova E.V. Public interest and law: problems of interrelation. *Vestnik Samarskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Vestnik of Samara State University of Economics], 2014, no. 1 [in Russian].
14. Kosarenko N.N. Category of «interest» in the system of public and private law. *Znanie. Ponimanie. Umenie* [Knowledge. Understanding. Skill], 2007, no. 3 [in Russian].
15. Robert H. Frank. Darwin Economy: Liberty, competition and common weal. M., Izd. Instituta Gaidara, 2013, 342 p. [in Russian].
16. Lomaev A.Yu. Public interest as a legal category. *Vestnik Samarskogo iuridicheskogo instituta* [Bulletin of the Samara Institute of Law], 2012, no. 1(6) [in Russian].
17. Kyrukin A.N. Public interest, public policy and systematic modernization of society: Russian problems. *Vlast'* [Power], 2011, no. 2 [in Russian].
18. Federal Law dated 01.12.2007 № 310–FZ «On the organization and staging of the XXII Olympic Winter Games and XI Paralympic Winter Games of the 2014 in Sochi, development of Sochi as a mountain climate resort and the Amendments to certain legislative acts of the Russian Federation». *Rossiskaya gazeta*, 2007, 05 December [in Russian].
19. Gadziev G.A. Constitutional foundations of modern right of property. *Zhurnal rossiiskogo prava* [Journal of Russian law], 2006, no. 12(120) [in Russian].

*I.V. Ruzanov**

CONSTITUTIONAL IDEA OF THE GENERAL WEAL AS A REASON OF LAND NATIONALIZATION

The article is devoted to the research of constitutional category of general weal and its application in the sectoral legislation. Historical origins of this term and its modern understanding were shown. An approach to defining general weal through the revealing of public interest is suggested. The article also concerns procedural aspects of general weal – the rules of its working out and formulating. Based on the analysis of the legal institute of nationalization of land, the practical application of the doctrine was shown. The requirements to the order of using of nationalized property were formulated.

Key words: general weal, public hearings, restrictions on the rights of property, public interest, private interest, public sphere.

* *Ruzanov Ilya Vladislavovich* (iruzanov@yandex.ru), Department of State and Administrative Law, Samara State University, 1, Acad. Pavlov Street, Samara, 443011, Russian Federation.